

Буховец, О. Г. Центральная и Восточная Европа: почему не срабатывает демонстрационный эффект западного историописания? / О. Г. Буховец // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 5 / Рэдкал. У. Н. Сідарцоў (адк. рэд.), С.М. Ходзін (нам.адк. рэд.) [і інш.] – Мн: БГУ, 2009. – С. 9–19.

О. Г. БУХОВЕЦ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА: ПОЧЕМУ НЕ СРАБАТЫВАЕТ ДЕМОНСТРАЦИОННЫЙ ЭФФЕКТ ЗАПАДНОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ?

Удивительна способность национализма ставить прошлое, «как никогда ранее, на службу политике»¹. С одной стороны, эта особенность вполне, можно сказать, объективна. Ведь обращенность в историю или, точнее говоря, в историческую мифологию — конституциональное свойство этнонационального. Из шести признаков этноса, выделяемых известным социальным антропологом Э. Смитом, четыре — непосредственно «исторические»².

С другой стороны, опора на исторические мифы есть отражение волонтаристской доминанты националистических проектов. Это превосходно описано знаменитым британским этнологом Э. Геллнером. В частности, согласно предложенной им формуле соотношения между нацией и национализмом именно национализм порождает нации, а не наоборот³.

В силу данных обстоятельств историкам принадлежала выдающаяся роль в создании националистических идеологий и движений в XIX— первой половине XX в. — в «золотую пору» европейского национализма. Настолько выдающаяся, что автор специального исследования на данную тему Э. Смит даже считает справедливым говорить о национализме «как о характерно “историческом” движении»⁴. Согласно экстравагантной аналогии Э. Хобсбаума историки для национализма — «это то же самое, что сеятели мака для потребителей героина»: они обеспечивают рынок важнейшим сырьем⁵.

Реализация историко-мифологической функции через посредство учебников и популярно-воспитательной литературы исправно обеспе-

9

чивала вплоть до Второй мировой войны массовизацию идей, образов и представлений, возвышающих так или иначе каждую нацию над другими. Обратной стороной этого процесса являлось производство негативных национальных стереотипов. Макросоциолог М. Манн в яркой, образной манере, и не без самоиронии, описывает то, как поначалу даже в послевоенный период общая атмосфера на континенте продолжала еще воспроизводить традиционные взаимонегативные или, в лучшем случае, взаимоироничные оценки соседей по европейскому дому. «Я, — пишет М. Манн, — рос в послевоенной Британии и впитал глубокую неприязнь к немцам, возмущение французами, легкое презрение к итальянцам, грекам и испанцам и привычку к злобным антиирландским шуткам. Мне привили убеждение в том, что швейцарцы всегда зажаты и аккуратны, бельгийцы толсты и печальны, а скандинавы и голландцы милы, потому что абсолютно безвредны»⁶.

Под совершенно другим знаком прошла вторая половина XX столетия. Необходимость преодоления унаследованных от предыдущей эпохи образов врага, начало строительства объединенной Европы, демократическая идентичность, объединявшая Запад перед лицом коммунистической угрозы — все это дало в 1940—1960-е гг. начало своеобразной, не имеющей исторического прецедента «еврочистке» гуманитарного знания.

В проведении ее наиболее активными вновь оказались историки. Как пишет Э. Смит, «большинство из них скептически, если не откровенно враждебно», стали относиться к «идеологическим притязаниям» национализма⁷. В большей мере этому благоприятствовали проявившиеся в 1970—1980-е гг. тенденции к интернационализации исторической науки. Вызванное ими, как отмечает французский историк М. Эмар, ускорение циркуляции идей и специалистов отодвинуло на второй план дискуссии между европейскими национальными историографиями⁸. Да и в более общем плане: «Сегодня, — констатировал он в середине 1990-х гг., — сходят на нет не только концепции национальной исключительности (например, «французской исключительности» или германского «особого пути»), но и соответствующие крупные философские школы»⁹.

Итак, факторы, стимулировавшие переход к «еврочистке» гуманитарного знания в западноевропейском ареале, драматическим образом осложнили «научное обеспечение» национализма. В ситуации, когда люди науки и образования перестали соотносить себя (по крайней мере

10

полностью) с исторической наукой тех стран, *в которых они живут*, и в которых, сверх того, «молох удовлетворенного общества уничтожил прошлое», неизмеримо сложнее стало мобилизовать историков на выполнение функции производителей «подходящих» для национализма версий прошлого¹⁰. Ведь ныне большинство европейских ученых задачу профессиональной историографии видят как раз в «противостоянии социально мотивированным ложным истолкованиям прошлого»¹¹.

Разумеется, формирование общей европейской культурно-цивилизационной идентичности не прошло бы успешно, если бы не оказался задействованным еще один важнейший фактор. Дабы перестать быть в некотором отношении «узниками своей культуры и образования» (М.Эмар) и отойти от негативных установок и некомплементарных стереотипов в отношении соседей, европейцам необходимо было также провести большую работу по своеобразному «просеиванию» через «евросито» учебной и просветительской литературы по истории. Таким образом национальные интерпретации противоречивых исторических событий или мифов могли бы стать более «пригнанными» друг к другу в духе «самокритичного консенсуса» строящейся новой Европы.

В замечательной по своему замыслу и исполнению книге М. Ферро о преподавании истории в разных странах мира¹² приводятся примеры, свидетельствующие о том, что работа такая в западноевропейских странах идет и налицо имеются уже очень обнадеживающие результаты. Вот как, к примеру, освещают ныне английские историки английским детям некоторые весьма щекотливые страницы англо-французских отношений.

Предельно сурово осуждают они, в частности, казнь англичанами во время Столетней войны Жанны д'Арк («Со стыдом вспоминают сегодня англичане своих предков»)¹³. Сама же Орлеанская Дева изображается разными английскими авторами как «самая храбрая женщина всех времен», «дочь Бога, жизнь которой была безупречной», «великая героиня, святая...», чей образ «...и сегодня живет в сердцах всех добрых французов и всех добрых англичан»¹⁴.

Причем подобную «самокритичность» вряд ли можно истолковать лишь как вполне понятное стремление потрафить нынешней Франции как близкому партнеру и союзнику. В таком случае английский учебник «потрафлял» аналогичным образом и противнику — существовавшему тогда еще Советскому Союзу. Ведь в нем признается, что англи-

чане и французы в конце тридцатых годов XX века мечтали развернуть силы Гитлера против СССР¹⁵. Такое признание иллюстрируется советской карикатурой 1938 г., где стоящие на перекрестке в качестве регулировщиков Даладье и Чемберлен указывают броневику Гитлера «верную дорогу: не на запад, а на восток, на Москву»¹⁶.

Анализируя в начале 1990-х гг. новые культурные явления в объединенной Европе, М. Манн обратил внимание ученых и общественности на некоторые последствия появления феномена особой европейской культурной общности. Ссылаясь, в частности, на опросы общественного мнения, он констатировал, что у европейцев, в которых долго в предыдущие периоды истории «воспитывали склонность к отрицательным оценкам соседей» по европейскому дому, «негативные национальные стереотипы на сегодня почти исчезли (курсив авт. — О.Б.)»¹⁷. Во-вторых, новое чувство европейской культурной общности соседствует со «старыми» национальными идентичностями. А в них самих при этом существенно снизилась былая ксенофобия.

Но, как и другие рассматриваемые в данной работе феномены, новые культурные явления в Европе характеризуются внутренней противоречивостью и разнонаправленностью.

А здесь не обойтись опять-таки без поисков элементов сходства — различий в *истории* народов, стран и континентов. Это приводит к обнаружению не столько сходства, сколько различий: историческое противостояние христианства и ислама, отличия образа жизни восточно-европейских народов от западноевропейских, прослеживаемая в веках несопоставимость европейской и американской культурных моделей.

Получается, следовательно, что «европейская идентичность» *дифференцирующим смыслом* наполняется «только при противопоставлении Европы остальному миру»¹⁸. А поскольку мир этот уже сумел «высадить» в Европу многомиллионный «десант» обратной глобализации и продолжает «подбрасывать подкрепления», аналитики, констатируя продолжающийся подъем иммигрантофобии, прогнозируют потенциальную угрозу роста на основе европейской идентичности евроксенофобии.

Возможность эта, конечно, гипотетическая, но, с другой стороны, в одной исключительно важной сфере еврокуменизм профессионально-гуманитарного и в гораздо большей степени массового сознания уже вполне определенно «принял» изоляционистскую «поправку». Редакция последней предельно элементарна: по мере консолидации ЕС и

исчезновения барьеров между входящими в него нациями-государствами «границы, отделяющие Европу от ее «Иного», должны укрепляться». Но объективные-то процессы постсовременности «требуют развития в

строго противоположном направлении», т. е., наоборот, устранения всяческих границ и барьеров»¹⁹.

Впрочем, во второй половине 1980-х гг., когда процесс «национализации» социально-гуманитарных дисциплин в СССР и ЦВЕ только начинался, указанная антитеза евроэкуменизма заметно себя еще не проявила. Тогда как «еврочистка» западного обществоведения уже успела привнести принципиально новое качество в гуманитарное знание и образование не только в самой Европе, но и, как свидетельствует международный резонанс книги М. Ферро, также в других частях мира.

По своим первоначальным импульсам «национализация» обществоведения представлялась антитезой его тогдашней коммунистической идеологизированности, орудием демократизации и рыночной трансформации социалистических стран. В действительности, однако, главной на поверку функцией стало формирование новых и переформирование старых идентичностей.

Важно напомнить, что в бывшем СССР беспрецедентная «национализация истории» стремительно стала разворачиваться именно тогда, когда, впечатленные перестройкой, многие виднейшие обществоведы — и западные, и наши — выражали уверенность в том, что процесс «возвращения советских историков в мировое научное сообщество необратим»²⁰. И что, с другой стороны, как отмечал в 1989 г. известный французский историк Р. Шартье, идеологизированная «официальная наука, результаты которой были обратно пропорциональными ее доктринальной уверенности, исчезнет окончательно (курсив авт. — О. Б.)»²¹.

На самом деле, как мы знаем, все во многом получилось с точностью да наоборот. Как в том, что касается «возвращения в мировую науку», так и в отношении «окончательного исчезновения официальной историографии». Автору данных строк еще в середине 1990-х гг. пришлось обосновывать свой скепсис на этот счет и писать, в частности, что «исчезновение границы» между постсоветской и мировой исторической наукой пока во многом иллюзия²². Что касается второго вопроса — об официальной исторической науке, — то более чем очевидно, что на место одной такой науки (советской) заступили, теперь уже в новых независимых государствах СНГ и Балтии, добрых несколько дюжин вполне «официальных» либо, по крайней мере, официозных историй.

«Вздыбленные этницизмом», если перефразировать российского этнолога М. Губогло²³, новые историографии на стадии «бури и натиска» определенно были не в состоянии внять весьма тактичным урезонивающим призывам «со стороны», даже если таковые исходили от звезд первой величины в мировой науке, и прошлых, и нынешних. С каким, например, выступил в конце 1980-х гг. Э. Хобсбаум в своей ставшей чрезвычайно популярной в научном мире обобщающей книге по нациям и национализму²⁴.

Очень ценным «урезонивающим подспорьем», причем не только научно-теоретическим, но даже прикладным политическим, для новых независимых стран мог бы, конечно, (да и должен был бы) стать и анализ новых культурных явлений в объединенной Европе, с которым выступил в начале 1990-х гг. М. Манн. Выход же в 1992 г. русского издания широко в то время уже известной в мире книги М. Ферро мог бы в этом отношении просто дать начало новому этапу. Необходимые внешние условия, по крайней мере, для этого имелись: самое массовидное историко-обществоведческое знание в качестве предмета книги, новаторские замысел и исполнение, увлекательное изложение, широчайший географический охват, положительный международный резонанс. Однако в условиях коллапса и агонии, переживаемых в то время Советским Союзом, действие этих внешних факторов было сивелировано.

В своем обращении к читателям русского издания Ферро констатировал, что в СССР на тот момент (предисловие писалось до развала страны) «ставки истории как нигде высоки». И поэтому так необходимо понимание мирового исторического контекста («Не построить будущее... не представляя себе как следует ее [истории] прошлое, и не зная ничего о том, как видят свою историю другие общества») ²⁵. Вместе с тем больших иллюзий по поводу «перестройки» и «гласности» он определенно не испытывал: «Не заметно настоящего стремления сделать историческую науку *независимой, самостоятельной по отношению к институтам, будь то государство, политические партии или национальные движения*» (выделено авт. — О. Б.)²⁶.

Имея в виду подобные практики историописания в целом по ЦВЕ, У. Альтерматт высказал опасение, что, «будучи на службе национального государства, [историография] дегенерирует до некоего политического памфлета»²⁷. Впрочем, оборот «возникает опасение», употребленный им при этом, вводит в заблуждение: применительно ко второй половине 1990-х гг. такая памфлетность вполне уже предстала,

так сказать, в своем блеске и нищете. Особенно в учебной и научно-просветительной литературе.

Значение такой литературы переоценить вряд ли возможно. В современных обществах со всеобщим средним образованием школьные учебники и книги для чтения по истории и обществознанию «проходит» последовательно все (теоретически, по крайней мере) население. В этих же обществах массовым уже стало также высшее и среднее специальное образование, которое опять-таки сопровождает очень длинный шлейф историко-гуманитарных учебных изданий.

Взятая в совокупности, учебная и научно-просветительная историко-гуманитарная литература становится, таким образом, важнейшей основой для социализации школьников и студентов. Выступает для них, да и вообще для образованного населения современной страны, практически *главным* источником «формирования ценностных ориентаций и ориентации в настоящем через понимание смыслов прошлого, отражает действующие каноны знаний, состояние массового исторического сознания и профессиональной историографии»²⁸.

Какими же предстают образцы постсоветского историописания в прочерченной нами здесь «системе ориентирующих координат» современного европейского гуманитарного знания? Поскольку конкретные материалы по отдельным странам и регионам будут рассматриваться ниже специально, то здесь, абстрагируясь от частностей, сосредоточимся лишь на общем образе. Для чего обратимся к модели постсоветских национальных историй, написанных в последнее десятилетие, которую остроумным способом сконструировали российские историки Д. Олейников и Т. Филиппова. Вот лишь отдельные элементы этого, безусловно, гротескного «интеллектуального протеза» по истории (так называли его авторы), «годного на все случаи жизни»: «Наши предки издавна населяли эту землю... Соседние народы уважали наших предков, не считали зазорным учиться у них... Край наш процветал и находился на высокой для того времени ступени цивилизации... Но вот однажды... нахлынули в нашу землю жестокие... захватчики... и брали они не умением, а числом... Так установилось чужеземное господство... наших предков заставляли говорить на чужом языке, служить чужим правителям. Нашлись манкурты, прославлявшие такое рабство, как благоденствие... Много боли и страданий перенес в те времена наш народ... Против гнета... много раз... поднимались храбрые, любившие свободу... Наконец ослабла власть чужеземных темных сил и нашлись смельчаки,

провозгласившие самостоятельность нашего народа. Мы сохранили наследие славных предков..., впитали все лучшее, что дала наша культура. Теперь мы можем сами решать свою судьбу. Перед нами необозримые горизонты будущего...»²⁹.

Из данного сравнения даже с учетом явной огрубленности и гротескности представленной «модели» явствует, насколько нестыкуемые варианты историописания практикуют нынешние, условно говоря, западноевропейское и постсоветское «историческое время». И это, заметим, на фоне совершенно беспрецедентного по своим масштабам, освоения нашими гуманитарными науками опыта западной гуманистики! Думается, что, зная упоминавшийся уже нами французский историк и иностранный член РАН М. Эмар русский язык, он, ознакомившись с приведенным «интеллектуальным протезом», ощутил бы, по всей очевидности, глубокое разочарование. Ведь в 1990-е гг. в рамках своего семинара в Европейском университете в Москве он весьма последовательно, хотя и с истинно французской деликатностью, проводил совершенно другую, альтернативную линию³⁰. В частности, им отмечалось, что в XIX—XX вв. в контексте становления национальных государств и массовизации национальной идеи «прошлое должно было оправдывать настоящее» и «...практически не оставалось пространства для свободного толкования истории»³¹. Новая же, «общая европейская история», по мнению М. Эмара, будет «кардинально отличаться от прежней модели». И поскольку ныне государство, по его убеждению, «больше не рассматривается как необходимая форма существования нации», то и «рамки национального государства не являются общепринятым форматом для исторического исследования» (курсив авт. — О. Б.)³².

Почему же в огромном корпусе учебных и научно-просветительных изданий постсоветских и постсоциалистических стран совершенно пока безраздельно господствует крайне незамысловатое, одномерное и в контексте нынешней европейской действительности просто *архаичное* «конструирование» исторического прошлого? И разве «по росту» этим обществам, с населением, почти поголовно охваченным всеобщим средним и достаточно массовым высшим образованием, культурно модернизированным, с открытым Европе и миру сознанием, такие версии «национальной истории», в которых едва просматривается уход от привычки к сотворению чисто мифологических представлений о прошлом?!³³.

Имеется целый комплекс причин такого положения, как объективного, так и субъективного порядка. Так, причиной наиболее общего характера видится то, что в рассматриваемых нами обществах «глубоко внедрены «памяти о конфликтах»³⁴, многие из которых исторически еще достаточно «свежи». При коммунистических режимах восприятие их в основном купировалось официальной идеологией. Ее демонтаж, произошедший в конце 1980-х — начале 1990-х гг., создал благоприятные условия для того, чтобы «памяти о конфликтах» стали, если использовать выражение исторического антрополога И. Козновой, «актуализированным прошлым, а значит во многом настоящим»³⁵.

Вторую причину следует видеть, как выше уже указывалось, в общей несвободе (или недостаточной свободе) историко-обществоведческого знания от институтов государства. Особенно это дает о себе знать в случае с учебной литературой, которая, по мнению украинских историков Л. Моисеенковой и П. Марциновского, «бесспорно», является «*сегментом идеологического рынка*, на котором *монополистом*

стремится быть государством...» (выделено авт.—О. Б.)³⁶.

Хорошее представление об еще одной очень важной причине мы получим, если обратимся к общей оценке постсоветского обществоведения, данной В. Тишковым. Причем интересно даже не само по себе то, что указанный автор, являющийся также крупным администратором в российской науке, находит в начале XXI в. невысоким уровень нашего обществознания, а то, какие факторы, определяющие такое положение, он выделяет. И вот среди таковых он называет «деформации его [обществознания] дисциплинарной и организационной структуры», равно как и «засилье» в нем бывших служителей пропагандистско-идеологического корпуса, «который продолжает во многом задавать тон вместе с когортой попавших в разряд «ученых» действующих политиков и администраторов»³⁷.

И наконец, причина более частного порядка, производная от предыдущих. Она коренится в установках профессиональных сообществ по отношению к, так сказать, «работе над ошибками» истории той или иной страны. Особенно к таким исключительно масштабным, как, например, тоталитаризм. Если взять российский случай, то одни авторы объясняют продолжающуюся эксплуатацию в массовой историко-обществоведческой литературе мифологической архаики, комплексов прошлого величия и виктимизации тем, что историки, как и общество, не произвели полного расчета с тоталитарным прошлым..., «да и в це-

лом не *отрефлексируют* прошлое, не определили *новых ориентиров его переосмысления*» (курсив авт.—О. Б.)³⁸.

Другие, напротив, считают необходимым вообще отказаться от «покаянной парадигмы» и «аналитических усилий, взыскующих правды», как способствующих «формированию национального комплекса неполноценности»³⁹. Решительно отклоняется в этом случае и самокритичный дискурс западноевропейской историографии.

К сожалению, самокритичный дискурс западноевропейской историографии в той или иной мере отклоняется пока и историописанием «новичков» Евросоюза — стран ЦВЕ⁴⁰. А ведь нормативный для Объединенной Европы концепт *многообразия как субстанции евросоюзного единства* вместе с тем исключает саму возможность привнесения в это многообразие новыми членами «данайских», с точки зрения европейской идеи, националистических «вкладов».

Принципы «еврочистки» гуманитарного знания приведут так или иначе национальные историографии новых членов ЕС и к необходимости «исторической самокритики» на страницах учебной литературы по истории. Автор этих строк уверен, что не за горами и то время, когда в ней появятся, в частности, объективные оценки военных преступлений, совершенных в годы Второй мировой войны многочисленными подразделениями латышских и литовских пособников нацистов на территории Беларуси. В том же, понятно, направлении европейские практики будут подталкивать, хочется надеяться, и историки Польши. И там, коль уж зашла речь о Беларуси, появление на страницах учебников сюжетов с объективным в той или иной мере освещением весьма трудного опыта истории белорусско-польских взаимоотношений не кажется нам делом очень уж отдаленного будущего...

Изложенные здесь соображения о принципиальной возможности использовать опыт «еврочистки» как «ноу-хау» для своего рода «евразийской чистки» обществознания основываются, как мы пытались доказать, не на каком-то маниловском прожектерстве, а на объективно уже существующих системных свойствах европейской постсовременности.

¹ *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. М.: 2000. С. 54.

² *Smith A.D.* The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986. С. 86.

³ *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991. С. 127.

⁴ *Смит Энтони Д.* Национализм и историки // Нации и национализм. М., 2002. С. 236.

⁵ *Хобсбаум Эрик Дж.* Принцип этнической принадлежности в современной Европе // Нации и национализм. М., 2002. С. 332.

⁶ *Мани М.* Нации-государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание // Нации и национализм. М., 2002. С. 339.

⁷ *Смит Энтони Д.* Национализм и историки // Нации и национализм. М., 2002. С. 236.

⁸ *Эмар М.* Образование и научная работа историка: современные подходы // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 15-16.

⁹ *Шнейдер М.* Рефлексия исторического опыта // Преодоление прошлого и новые ориентиры. С. 17.

¹⁰ *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. М.: 2000. С. 295.

¹¹ *Тош Д.* Стремление к истине: как овладеть мастерством историка. М., 2000. С. 29.

¹² *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992.

¹³ *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. С. 155.

¹⁴ *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. С. 155.

¹⁵ *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. С. 198.

- ¹⁶ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. С. 199.
- ¹⁷ Манн М. Нации-государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание // Нации и национализм. М., 2002. С. 399.
- ¹⁸ Иноземцев В. Л. На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические следствия. М., 2003.
- ¹⁹ Иноземцев В. Л. На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические следствия. М., 2003.
- ²⁰ Snyder.Jack.FromVotingtoViolence.DemocratizationandNationalistConflict. N.Y.:L.,2000.
- ²¹ Snyder.Jack.FromVotingtoViolence.DemocratizationandNationalistConflict. N.Y.:L.,2000.
- ²² Буховец О. Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996. С. 24.
- ²³ Губогло М. Н. Этничность. Конфессиональность. Гражданственность. ЭКГ России // Россия в условиях трансформаций. М., 2000. Вып. 5. С. 9.
- ²⁴ Hobsbawm E. Nations and nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge, 1990.
- ²⁵ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. С. 5.
- ²⁶ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. С. 193.
- ²⁷ Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М. : 2000. С. 295.
- ²⁸ Бомсдорф Ф., Бордюгов Г. Учебники истории: носители стереотипов, памяти о конфликтах или источник для взаимопонимания? // Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории. Научные доклады и сообщения / под. ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М., 2003. С. 10.
- ²⁹ Олейников Д., Филиппова Т. Как распорядиться «общим» наследием? Вместо заключения // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М.,1999. С.332-333.
- ³⁰ Эмар М. Категории «центр» и «периферия» в историографии XX в. // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М., 1999. С. 65-97.
- ³¹ Эмар М. Категории «центр» и «периферия» в историографии XX в. // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М., 1999. С. 67.
- ³² Эмар М. Категории «центр» и «периферия» в историографии XX в. // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М., 1999. С. 68-69.
- ³³ Гагазова Л., Филиппова Т. Страны Центральной и Восточной Европы в российских учебниках истории // Россия и ...: старые и новые образы. С. 130.
- ³⁴ Бомсдорф Ф., Бордюгов Г. Учебники истории: носители стереотипов, памяти о конфликтах или источник для взаимопонимания? // Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории. Научные доклады и сообщения / под. ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М., 2003. С. 9.
- ³⁵ Кознова И. Что отделяет память от забвения? // Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков. Междунар. конф. Москва, 15 мая 2001 / под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова / М., 2002. С. 140.
- ³⁶ Моисеев Л., Марциновский П. Россия в украинских учебниках истории: новое видение или проявление конкуренции на идеологическом рынке? Взгляд из Крыма // Россия и ...: старые и новые образы. С. 69.
- ³⁷ Тишков В. А. Этнология и политика. М., 2001. С. 145.
- ³⁸ Соколов Б. Страны Балтии в российских учебниках истории // Россия и ...: старые и новые образы. С. 215.
- ³⁹ Люкин Д. Покаяние победителей // Преодоление прошлого и новые ориентиры. С. 113.
- ⁴⁰ Буховец О. Г. Изучение национализма в Европе и Евразии: новые аспекты. М.,2004. С. 62-93.